

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА в 60—80-х годах XIX века

И. Ф. Гиндин

Экономическая политика царского правительства, которая стала во второй половине XIX в. выражать интересы союза крепостников-помещиков и крупного капитала, за последние десятилетия почти не изучалась в советской литературе. Между тем эта политика оказывала большое влияние на экономическое развитие страны. Содействуя некоторыми своими сторонами дальнейшему развитию капитализма в России, она в то же время углубляла его противоречия и неравномерность и, в частности, способствовала — еще до начала эпохи империализма — централизации капиталов в ряде отраслей промышленности, на транспорте и в банках.

Оказывая активное воздействие на хозяйственное развитие страны, экономическая политика, в свою очередь, сама определяется в условиях классового эксплуататорского общества стихийными законами. «Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны»¹, — писал Ф. Энгельс.

Экономическая политика служит как непосредственным экономическим интересам господствующих классов, так и укреплению их политического господства. Между этими двумя ее целями нет расхождений в странах, где произошла буржуазная революция и у власти находится крупная буржуазия. В России же вплоть до 1917 г. у власти находились крепостники-помещики, а крупная буржуазия должна была довольствоваться ролью их союзника. Классовая природа самодержавия предопределяла то, что одной из важнейших целей экономической политики правительства являлось возможно более длительное сохранение полукрепостнических отношений в деревне. В то же время сохранение и укрепление господства помещиков в период капитализма были возможны лишь при условии движения страны вперед по капиталистическому пути. Для царизма такая политика была средством укрепления власти помещиков и сохранения полукрепостнической эксплуатации крестьянства. Таким образом, «буржуазная» экономическая политика правительства, пытавшегося совместить интересы капиталистического развития с сохранением полукрепостнических латифундий, была глубоко противоречивой. К тому же при всем стремлении правительства удовлетворять повседневные экономические требования помещиков она постоянно приходила в столкновение с этими требованиями².

При всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царизма содействие капиталистическому развитию России после реформы 1861 г. стало все же главным ее направлением³.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М. 1947, стр. 133.

² Например, усиленный протекционизм в области промышленности или же отказ от бумажноденежного обращения в 1895—1897 годах.

³ В официальных документах, разумеется, говорится не о капиталистическом развитии страны, а о необходимости создания железных дорог, собственной промышленности и т. п.

В. И. Ленин еще в работах 90-х годов называл Россию страной, «в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде», и указывал на большое влияние капиталистов наряду с помещиками «на правительство и на государственные дела»⁴. Он отмечал, что «правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их (помещиков и капиталистов.— И. Г.) мнение»⁵. В 1905 г. В. И. Ленин дал по этому вопросу еще более исчерпывающую формулировку: «Зависимость самодержавия от буржуазии всей России есть самая сильная материальная зависимость...»⁶. Он охарактеризовал по существу и главное направление экономической политики царского правительства после 1861 г.: «...со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией, — правительство наше «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм...». Такая его деятельность «совпала именно с историческим периодом, характеризующимся во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности...». «...То же «абсолютное» правительство,— заключал В. И. Ленин, имея в виду дореформенный период, — при других условиях внутренней жизни, «поддерживало», «охраняло» и «создавало» другой класс...»⁷.

Вместе с тем В. И. Ленин вскрыл причины непоследовательности и противоречивости «буржуазной» политики царского правительства: «...интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы в с е й буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию»⁸.

Немалое значение для объективных последствий экономической политики имеет вопрос о способах и методах ее проведения⁹. При рассмотрении этого вопроса основное, принципиальное значение имеет различие между широкими мерами, направленными на создание общих условий для развития капиталистических отношений, и особыми методами, с помощью которых осуществлялось непосредственное государственное воздействие на экономику.

По сравнению с периодом первоначального накопления и империализмом для домонополистического капитализма характерно незначительное непосредственное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Экономическая политика на этом этапе в целом соответствует общеклассовым интересам крупной буржуазии и направлена на укрепление внутри страны общих условий для свободного развития капитализма. Те способы, которыми создаются указанные общие условия, состоят конкретно в развитии путей сообщения и средств связи, в промышленном и торговом законодательстве, обеспечивающем «свободу предпринимательской деятельности», в таможенной охране, в поддержании устойчивого денежного обращения и т. п. Обратной стороной создания общих условий является отказ от непосредственной поддержки отдельных капиталистических групп и предприятий и от широкого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

В странах с запоздалым капиталистическим развитием (Россия, Япо-

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 93, 95.

⁵ Там же, стр. 95.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 368.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 241—242.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 312.

⁹ Не следует смешивать этот вопрос с вопросом об отраслевых видах экономической политики (промышленной, аграрной, торговой, кредитной, финансовой и т. д.). Каждая из них имеет свои специфические особенности и в гораздо большей мере, чем главное направление, отражает (наряду с общеклассовыми) более частные интересы отдельных групп господствующих классов.

ния), где сохранялись полукрепостнические отношения, общие меры экономической политики и даже высокая таможенная охрана оказывались недостаточными, и здесь особенно ярко проявилось многостороннее государственное вмешательство в хозяйственную жизнь в целях форсирования капиталистического развития. Поскольку применение методов, характерных для раннего капитализма, происходило в России в несравненно большем масштабе и многообразии, они приобрели качественно новый характер. Вся эту систему государственного вмешательства в отличие от характерных для периода домонополистического капитализма общих мер экономической политики можно назвать ее особыми методами. Наиболее существенными, отличительными чертами их были: большое развитие непосредственных хозяйственных функций государства (казенные предприятия, банки, другие крупные имущества и т. д.), прямое участие государства в учреждении частных капиталистических предприятий и банков, прямое вмешательство его в пользу отдельных крупных предприятий и банков вплоть до искусственного ограждения их от конкуренции и, наконец, широкое финансирование их. «Не подлежит сомнению,— писал Ф. Энгельс,— что нынешний внезапный рост современной «крупной промышленности» в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п.»¹⁰.

Специфические методы прямого государственного вмешательства и поддержки как крупного капитала, так и помещиков в России не раз отмечал В. И. Ленин. Он впервые вскрыл классовую сущность неуставных ссуд Государственного банка¹¹, являвшихся важнейшей формой финансирования крупных предприятий и одним из методов спасения их во время кризисов. В. И. Ленин следующим образом характеризовал развитие России между 1861 и 1905 гг.: «В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹².

Само собой разумеется, что тезис Ф. Энгельса о влиянии искусственных средств на рост крупной промышленности, как и приведенное выше высказывание В. И. Ленина о насаждении капитализма сверху, не имеют ничего общего с идеалистическими представлениями народников об искусственном насаждении капитализма. Эти положения указывают на влияние, которое оказала на капиталистическое развитие экономическая политика государства, и в то же время на ее специфические методы («правительственные субсидии», «насаждение»).

В период домонополистического капитализма Россию от всех основных капиталистических стран (кроме Японии) отличало многостороннее вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Поэтому именно изучение особых методов экономической политики царизма дает возможность лучше всего понять ее сущность и воздействие на хозяйственное развитие страны.

Среди многообразных способов осуществления экономической политики меры финансовой политики выделяются своей действенностью. Однако в России, где самодержавие удовлетворяло известные интересы господствующих классов, представляя собой до известной степени самостоятельную организованную политическую силу¹³, влияние финансовой политики

¹⁰ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 131.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 307—308.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 300.

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 144.

на экономическое развитие страны было также противоречивым. И подобно тому, как содействие экономическому развитию являлось для правительства прежде всего средством укрепления власти помещиков, хозяйственный рост страны рассматривался нередко в качестве средства обеспечения и увеличения государственных доходов. Что же касается широко проводившегося государственного финансирования предприятий и банков, то, не укладываясь в рамки финансовой или кредитной политики и сильно обременяя бюджет, оно не имело ничего общего с капиталистическим кредитом и финансированием, противоречило их элементарным началам и даже коммерческому расчету и представляло собой один из важнейших особых методов экономической политики царского правительства. «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма»¹⁴. Это указание В. И. Ленина охватывает не только расходы на ведение колониальных войн в период первоначального накопления, ранний государственный долг и т. д., но также и возникновение и развитие на государственные средства новых капиталистических предприятий. Такое характерное для раннего капитализма государственное финансирование именно в России приняло исключительные по своим масштабам размеры в период монополистического капитализма.

Проводя сверху ликвидацию крепостнических отношений, царское правительство «сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников»¹⁵. Оно сохранило помещикам не только огромные латифундии и возможность полукрепостнической эксплуатации крестьян, но и значительную часть феодальной ренты в виде доходов по выкупным ценным бумагам. Выкупные платежи крестьян вместе с оброчной и подушной податью, унаследованными от крепостнического периода, стали основой государственных финансов. Налоговая реформа Бунге, направленная в действительности не столько на облегчение податного бремени, сколько на более равномерное его распределение между бывшими помещичьими и бывшими государственными крестьянами, почти не улучшила их положения. Вплоть до революции 1905—1907 гг. правительство ограничивалось тем, что в отдельных случаях снижало выкупные платежи там, где их поступление становилось явно нереальным из-за огромных недоимок и расходов на так называемую продовольственную помощь крестьянам во время голододов, и особенно там, где сильно проявлялось революционное движение.

К этому надо добавить непрерывный рост косвенных налогов, ложившихся всей тяжестью на трудящиеся массы. В то же время царское правительство установило для помещиков налоги в ничтожных размерах и крайне умеренно облагало буржуазию. Помещики погасили 75% своей задолженности дореформенным банкам выкупными платежами, на что потребовалось только 316 млн. руб., остальные 586 млн. руб. они получили на руки. Сверх того дворянство сумело получить в 60—70-х годах 476 млн. руб. ссуд в новых земельных банках. В период реакции 80-х годов для него была создана система благотворительного государственного ипотечного кредита. Это увеличило на сотни миллионов рублей отвлечение средств русского денежного рынка, который и без того не мог удовлетворить потребность железнодорожного строительства и растущей промышленности в денежных капиталах. Немало средств поглощали и государственные займы для покрытия бюджетных дефицитов. В этих неблагоприятных условиях основное направление экономической

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 429.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 395.

политики заключалось все же в способствовании развитию страны по пути капитализма.

В опубликованных еще в 1910 г., но не привлекавших до сих пор внимания историков докладах министра финансов Рейтерна (они были написаны в 60—70-х гг.)¹⁶ отчетливо обрисована основная цель экономической политики царского правительства — сохранение сильного государства крепостников-помещиков. Крымская война показала, пишет Рейтерн, что «без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных ее границах и что ее влияние на судьбы остальной Европы должно пасть на степень, не согласную с ее внутренним могуществом и историческим значением»¹⁷. Рейтерн высказывает и другую характерную мысль: «Опыт доказал, что при крепостном праве рассчитывать на улучшение финансов было невозможно, потому что улучшение это должно быть последствием экономического развития, а сие последнее несовместно с крепостным положением народа»¹⁸. Это означало, что экономическая политика, особенно в то время, рассматривалась сквозь призму финансовых интересов государства. В докладах Рейтерна точно указаны и основные направления экономической политики, которые должны были содействовать развитию капитализма в стране: частный кредит, устройство путей сообщения, развитие механических производств.

Многолетний опыт и печальные результаты казенного хозяйства (дореформенных банков, а также горных заводов) заставили царское правительство делать ставку на развитие частной инициативы в области железнодорожного строительства, коммерческих и земельных банков, промышленной и торговой деятельности. Вместе с тем в докладе Рейтерна 1866 г., как и в более поздних, звучит один лейтмотив: без самого широкого привлечения иностранных капиталов невозможно ни сооружение железных дорог, ни обеспечение необходимыми капиталами промышленности и торговли. Страна была почти лишена денежных капиталов, и Рейтерн считал это прямым следствием использования в дореформенный период почти всех накопленных денежных капиталов для увеличения паразитического потребления помещиков и крепостнического государства.

Создание железнодорожной сети, указывается в докладе, является главным путем ускорения экономического роста страны и улучшения государственных финансов. Поэтому именно для железнодорожного строительства должны в первую очередь привлекаться иностранные капиталы. Под этим же углом зрения рассматриваются в докладе вопросы денежного обращения и внешней торговой политики. После неудачной попытки в 1862—1863 гг. ввести размен кредитных билетов на металлические деньги Рейтерн пришел к выводу, что переход к твердой валюте должен быть отложен. В ближайшее время, по его мнению, следовало ограничиться поддержкой устойчивости валютного курса, как необходимого условия прилива иностранных капиталов. Для осуществления такого курса намечались значительное превышение вывоза товаров над ввозом, а также новые заграничные займы. Эти два способа, которые обстоятельно изложены в докладах, красной нитью проходят через всю экономическую политику правительства вплоть до 1914 года.

¹⁶ «М. Х. Рейтерн. Биографический очерк». СПб. 1910, приложения, стр. 64—187.

¹⁷ Там же, стр. 162. Более четкую формулировку этой же исходной позиции «буржуазной» экономической политики дал много лет спустя Витте. См. доклад Витте 1900 г., опубликованный в журнале «Историк-марксист», 1935, № 2—3, и доклад 1899 г. (Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 601, д. 1026) с протоколом его обсуждения. Витте пишет, что создание промышленности является «коренной не только экономической, но и политической задачей» Российской империи (1899 г.), и вслеськи подчеркивает, что промышленное отставание страны грозит самодержавию потерей его политического могущества (1900 г.).

¹⁸ «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 162.

Таким образом, обеспечив интересы помещиков и всячески усиливая дополнительную эксплуатацию трудящихся города и деревни, царское правительство положило в основу своей экономической программы железнодорожное строительство, организацию кредитной системы и создание «механической» промышленности, то есть некоторых отраслей машиностроения и металлургии. Выделение их объясняется тем, что развитие их нельзя было в то время ускорить одними протекционистскими мерами. Наоборот, для легкой промышленности существовавшая уже в первой половине XIX в. высокая таможенная охрана стала основной и решающей мерой промышленной политики. Под ее влиянием главные отрасли легкой промышленности настолько окрепли, что при снижении таможенных тарифов в 1857 и в 1868 гг.¹⁹ их продукция с 1860 по 1880 г. увеличилась в 2,5—3 раза²⁰. Ставка на развязывание частной инициативы и широкое привлечение капиталов из-за границы при двукратном снижении таможенных пошлин изображалась в русской буржуазной литературе, начиная с 80-х годов, как проявление буржуазно-либеральных тенденций в экономической политике правительства в 60—70-х годах. На самом же деле последнее не собиралось пассивно выжидать, пока «частной инициативой» русского и иностранного капитала будет построена железнодорожная сеть, разовьются кредитная система и «механическая» промышленность. Правительство и после реформы 1861 г. не отказывалось от далеко идущего вмешательства в хозяйственную жизнь и «опеки» над частными предприятиями. Оно так и не стало последовательно на путь установления фактически и посредством определенного торгово-промышленного законодательства «свободы предпринимательской деятельности». Эта линия ярче всего проявилась в отношении акционерных обществ и особенно банков.

Государственное вмешательство и «опека» частных предприятий имели в России не только более чем полуторавековую историю, но и существенную материальную базу. Огромные имущества государства: казенные земли и леса, государственные имения и крупные мануфактуры, особенно в металлургии, почти столетняя монополия в области банковского кредита — все это до реформы непосредственно служило укреплению и сохранению крепостнических отношений. В промышленности наглядным примером государственного вмешательства являлась система казенного надзора над горными заводами.

Накануне реформы были ликвидированы казенные балки, но вместо них создан Государственный банк, надолго занявший ключевые позиции в области банковского кредита. Остальные же имущества и предприятия оставались по-прежнему в руках государства. В период домонополистического капитализма сфера государственного хозяйства значительно расширилась, главным образом за счет железных дорог. Огромные военные расходы царского правительства еще более усиливали казенный спрос на промышленную продукцию. Казенные заказы, государственное коммерческое финансирование и, наконец, непосредственное вмешательство в виде законодательных или административных мер были направлены после 1861 г. на форсирование капиталистического развития, прежде всего тех отраслей, которые имели решающее, по официальной терминологии

¹⁹ Переход от запретительной к более умеренной таможенной политике имел целью удешевить импортные товары, которые внутри страны не производились, и сократить контрабандный ввоз товаров, в результате которого снижался таможенный доход. Значительное уменьшение пошлин на металлы объяснялось стремлением удешевить железнодорожное строительство, нужды которого старая металлургия Урала не в состоянии была удовлетворить. Что касается легкой промышленности, то таможенная охрана оставалась на достаточно высоком уровне и после введения тарифа 1868 г. — от 20 до 36% к стоимости ввозимых товаров (см. М. Н. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск. 1911, стр. 311).

²⁰ По данным, приведенным в работе А. Ф. Яковлева «Экономические кризисы в России». М. 1955, таблицы на стр. 91, 114, 138.

гии, «государственное значение». Если в периоды экономического подъема все перечисленные средства использовались для форсирования развития указанных отраслей, то в годы кризисов и застоя государственное вмешательство выражалось в поддержке и сохранении привилегированных отраслей, в мерах по спасанию от банкротства пошатнувшихся банков и предприятий «государственного значения», вплоть до искусственного поддержания их деятельности казенными заказами на продукцию, не имевшую сбыта, или ограждения их от «излишней» конкуренции.

Среди мер государственного вмешательства одним из наиболее действенных являлось финансирование. В транспортном машиностроении, металлургии и военной промышленности оно переплеталось с казенными заказами, в других отраслях и в железнодорожном строительстве имело решающее значение. Большую роль играло государственное финансирование и в том случае, если надо было спасти акционерные и другие банки. Такое финансирование осуществлялось за счет средств казначейства, причем на практике стиралась грань между возвратными и безвозвратными суммами, между казначейскими ссудами и субсидиями, между отсрочками по платежам налогов (акцизов) и их списанием.

Важнейшим органом государственного финансирования являлся Государственный банк. Не будучи до денежной реформы 1895—1897 гг. эмиссионным, но являясь крупнейшим в стране коммерческим банком, он вместе с тем резко отличался как от центральных, так и от коммерческих банков других капиталистических стран. Большая доля его средств отвлекалась в 60—80-х годах на нужды казначейства, на поддержку государственного кредита и т. п. Значительная часть операций Государственного банка по кредитованию хозяйства была весьма необычной для банков периода домонополистического капитализма. За учетно-ссудными операциями Государственного банка скрывалось широкое использование его средств для финансирования поддерживаемых правительством отраслей, предприятий и банков. Последнее специально оформлялось в каждом отдельном случае докладами министра финансов и разрешениями царя. Эти «нарушения» устава банка стали постоянной формой его деятельности²¹. Финансирование носило форму долгосрочных ссуд, выдававшихся банком на 3—5, иногда 10 лет или же неоднократно продлевавшихся дополнительными разрешениями на еще большие сроки, тогда как по уставу предельными сроками кредита были 6—9 месяцев, а в исключительных случаях — 12—15 месяцев. Обеспечением ссуд служили недвижимые имущества (земли, фабрики, заводы), что исключалось уставом банка, или такие акции и облигации предприятий, под залог которых банк по уставу не имел права выдавать даже краткосрочных ссуд. Государственный же банк выдавал их и на таких условиях, которые противоречили элементарным хозяйственным основам ипотечного кредита в специальных земельных банках. В качестве товарного обеспечения принимался даже такой неслыханный в мировой банковской практике «товар», как паровозы. Ссуды под акции и облигации предприятий также носили некоммерческий характер. Когда в канун эпохи империализма коммерческие банки начинают широко кредитовать и финансировать промышленность, они сознательно идут на длительную увязку своих средств ради получения крупных учредительских и спекулятивных доходов и могут финансировать в том числе и пошатнувшиеся предприя-

²¹ «И если ни в одной стране в мире нет такого множества законов и правил... то ни в одной стране в мире не нарушаются так легко эти буржуазные правила и так легко не обходят эти полицейские законы по одному милостивому соизволению высшего начальства. А в этом милостивом соизволении никогда не отказывают» (В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 95). Эта характеристика широко иллюстрируется всей практикой неуставного использования средств Государственного банка и казначейского финансирования по «высочайшим соизволениям».

тия, чтобы установить над ними контроль и получить таким образом особые выгоды. Ничего общего с этим не имели долгосрочные ссуды Государственного банка. Не предоставляя ему никаких особых выгод (даже проценты по ним были пониженные, некоммерческие), они могли принести и фактически приносили лишь крупные убытки²².

Помимо долгосрочных ссуд, к тому же типу операций приближались и все другие виды кредитования хозяйства, кроме вексельных операций²³.

Таким образом, Государственный банк не был коммерческим банком в обычном смысле, то есть таким органом денежно-кредитной политики, какими были центральные банки других капиталистических стран. В качестве подсобного органа Министерства финансов Государственный банк широко использовался для осуществления экономической политики методами государственного вмешательства. Некоммерческое финансирование производилось как из средств казначейства, так и из средств Государственного банка, причем четкого разделения между обоими источниками не было.

Политика форсирования железнодорожного строительства, организации кредитной системы, развития транспортного машиностроения и других отраслей «механической» промышленности, всяческого поощрения дельцов-учредителей усиленно проводилась в 60—70-х годах. После кризиса 1873 г. и особенно в связи с обострением его последствий в 1875—1876 гг. отчетливо выступила оборотная сторона государственного вмешательства — помощь и спасание пошатнувшихся и банкротившихся промышленных предприятий и банков, а вместе с тем и дельцов-учредителей, крупных сахарозаводчиков и т. д. Правительство стало выдавать многомиллионные долгосрочные ссуды²⁴ из Государственного банка и крупные уставные по форме кредиты. Оно не жалело средств для того, чтобы спасти предприятия и капиталистов, деятельности которых придавалось «государственное значение».

Принимая ряд мер для искусственного ограничения конкуренции между банками и между промышленными предприятиями, правительство еще до начала реакции 80-х годов окончательно распространилось с идеями экономического либерализма, влияние которых на его политику 60-х годов крайне преувеличивала буржуазная литература²⁵. Это с предельной ясностью выражено в «финансовом завещании» Рейтерна 1876 г., где он категорически высказывается за ограничение конкуренции, за активное противодействие «эксцессам» учредительства и биржевой спекуляции

²² Документы банка не дают возможности подсчитать общую сумму убытков по долгосрочным ссудам. О величине их свидетельствует следующий пример. Многолетнее финансирование Мальцовских заводов к моменту их перехода в 1894 г. к другим капиталистам достигло 14 млн. руб., из них: ссуды Дворянского банка — 2,5; казначейские — 5,4; из Государственного банка — 6 млн. рублей. Из долга казначейству 0,4 млн. руб. списано и 3,5 млн. руб. рассрочены покупателям до 1918 г., из долга Государственному банку не взыскано и списано в убыток в 1908 г. 2,5 млн. руб. (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ). ф. 1263, алф., 1894, III (обозначение месяца — *И. Г.*), д. 5054, лл. 277—325; ф. 583, оп. 3, д. 847, лл. 26—28).

²³ Вексельные кредиты в монополистический период являлись важнейшей операцией коммерческих банков и обеспечивали потребности торгово-промышленного оборота в средствах.

²⁴ По многим отдельным документам Комитета министров (ЦГИАЛ, ф. 1263), Особенной канцелярии по кредитной части (ф. 583), Государственного банка (ф. 587) и его Петербургской конторы (ф. 588) удалось насчитать за 70-е годы 123 неуставные ссуды на 53 млн. руб., из них машиностроительным и металлургическим предприятиям и разным крупным капиталистам — 41 млн. руб. и помещикам — 12 млн. руб., в том числе сахарозаводчикам — 9 млн. рублей. Кроме того, 15 железнодорожным дельцам было выдано ссуд на 41 млн. руб. из того же Государственного банка.

²⁵ Такая оценка была настолько общепринятой, что П. И. Ляшенко, не располагая для этого другими источниками, повторил ее в основных чертах (см. П. И. Ляшенко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.-Л. 1952, стр. 176—177).

и возводит долгосрочные ссуды пошатнувшимся предприятиям и банкам в ранг необходимых мер экономической политики²⁶.

В главных своих чертах политика правительства в период реакции 80-х годов не претерпела принципиальных изменений. Рассмотрение экономической политики через призму государственных финансов, покровительство и воспособление крупным предприятиям и банкам, ставка на привлечение иностранных капиталов, форсирование экспорта, равно как и активизация торгового и платежного баланса, подготовка денежной реформы, возложение основных налоговых тягот на крестьянство и трудящихся города были прямым продолжением политики 60—70-х годов. Не являлось принципиально новым и усиление протекционизма (начатое Рейтерном в 1877 г. огульным увеличением тарифа почти на 50%) сначала по фискальным мотивам, а затем под лозунгом усиленного покровительства отечественной промышленности, завершившееся высокопротекционистским тарифом 1891 года.

Весьма существенной, но не новой чертой экономической политики во время реакции 80-х годов явилось усиление финансовой поддержки помещиков. Последнее выразилось в создании Дворянского банка с его системой льготного ипотечного кредита, то есть в еще большем отвлечении внутренних денежных капиталов в пользу помещиков. К мерам того же порядка следует отнести введение сахарной нормировки в интересах сахарозаводчиков, усиление в 1890 г. субсидирования помещичьего винокурения, отчасти также снижение железнодорожных тарифов на перевозки хлеба.

О полной преемственности экономической политики ярче всего свидетельствует то обстоятельство, что Бунге накануне своего назначения министром финансов оценивал крайне отрицательно методы государственного вмешательства. В своем до сих пор не известном историкам докладе царю он дал уничтожающую характеристику результатов правительственной поддержки пошатнувшихся предприятий и высказался в том смысле, что основная задача государственной власти заключается в создании общих условий (законодательство и т. п.) для самостоятельного, без прямой правительственной поддержки, развития промышленности и в освобождении правительства от покрытия убытков железных дорог²⁷. Став министром, Бунге практически продолжал прежнюю политику поддержки уральских магнатов, воспособления особо привилегированных заводов транспортного машиностроения и рельсового производства. В области же спасения банков он и Вышнеградский превзошли своих предшественников. В условиях замедленного экономического развития и даже некоторого хозяйственного застоя 80-х годов главным направлением государственного вмешательства стало уже не насаждение новых предприятий и банков, а поддержка и сохранение существующих.

Методы государственного вмешательства и финансирования особенно широко применялись в области железнодорожного строительства, судьба которого целиком зависела от привлечения иностранных капиталов. Преобладавшее в России с 60-х почти до конца 80-х годов частное железнодорожное строительство и хозяйство, по существу, велось на государственные средства, что приводило к огромному обогащению железнодорожных дельцов за счет казначейства. Сравнение сложившихся тогда порядков с частным строительством и эксплуатацией дорог в других странах показывает, что в России сложилась своеобразная система частнокапиталистического хозяйства с самым широким участием государства и его вмешательством в пользу дельцов ради создания в кратчайшие сроки железнодорожной сети в стране. При огромном расточительстве госу-

²⁶ «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 155—157.

²⁷ ЦГИАМ. ф. 678. оп. 1, д. 673, лл. 6—8, 12—14.

дарственных средств эта цель все же была достигнута: к концу 70-х годов Россия имела железные дороги протяжением в 21 тыс. верст.

Одним из первых объектов правительственной поддержки в области промышленности непосредственно после реформы явилась металлургия Урала и Центрального района. Оказанная ей в самом начале 60-х годов помощь казначейскими ссудами была прямым продолжением сложившейся еще в крепостнический период системы государственной поддержки горнозаводских магнатов. Сохраняя ее в новых условиях, царское правительство по своей классовой природе не могло допустить здесь полную свободу капиталистических отношений, на чем настаивали буржуазно-либеральные экономисты. Однако с конца 60-х годов главное внимание правительства переключилось на создание железнодорожной сети и непосредственно обслуживавшую ее промышленность. В этих условиях прямая финансовая поддержка старой металлургии, как показывают документы, стала ограниченной. Все же она сыграла немаловажную роль в укреплении более благополучных заводов и сохранении огромных латифундий горнозаводских магнатов. В конечном итоге правительственная политика препятствовала коренной капиталистической перестройке старой металлургии и задержала преодоление того крайне длительного застоя, в котором она находилась. Такая политика продолжалась, в сущности, до начала второго десятилетия XX в., то есть до перехода важнейших уральских заводов в руки крупных банков на выгодных для старых владельцев условиях.

При полной исторической преемственности методов экономической политики до и после 1861 г. главным стало использование их в новом направлении — для развития подлинно капиталистических предприятий в тяжелой промышленности. Для создания транспортного машиностроения и рельсового производства (а также военной промышленности) были предприняты самые разнообразные меры²⁸. Заказы частных железнодорожных обществ на рельсы и оборудование за границей были значительно ограничены, а затем и вовсе запрещены. По мере роста отечественных заводов усиливалась вначале невысокая таможенная охрана и одновременно выплачивались правительством премии за каждый производимый паровоз или пуд рельсов. Огромные казенные заказы по завышенным ценам давались на много лет вперед²⁹, причем частные железнодорожные общества обязывались принимать продукцию, изготовленную по этим заказам. Предоставление заказов сопровождалось крупным казначейским финансированием в оборотные средства в виде многолетних «задаточных денег», погашавшихся заводами по мере поставки, и годовых авансов. Такого рода воспособление оказывалось в широких размерах ряду предприятий. Новым же или переоборудовавшимся старым заводам предоставлялись, кроме того, долгосрочные ссуды из Государственного банка³⁰, и правительство принимало прямое участие в образовании

²⁸ См. «Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров». Исторический очерк. Т. IV. СПб. 1902, стр. 203—276.

²⁹ А. Антипов («Обзор правительственных мероприятий по развитию в России металлической промышленности». СПб. 1879) дает сумму казенных заказов с 1844 по 1879 г. в 168 млн. руб., что несколько преувеличено. Все внутреннее производство паровозов, вагонов и рельсов в 1844—1868 гг. составило не более 35 млн. руб., массовые же заказы начались с 1868 года. На основании упомянутого издания Комитета министров заказы 1868—1879 гг., по нашим подсчетам, составили сумму в 115 млн. рублей. В 80-х годах, когда спрос железных дорог резко сократился, казенные заказы и закупки, служившие не расширению, а сохранению созданных заводов, составили, по ряду архивных документов, еще примерно 45 млн. рублей. Кроме того, были выплачены заводам премии по частным заказам в 1877—1887 гг. порядка 15—17 млн. рублей. В указанные цифры не входят заказы Военного и Морского министерств.

³⁰ Долгосрочные и другие неуставные ссуды предприятиям транспортного машиностроения и рельсовым заводам составили за 1876—1887 гг. 35 млн. рублей.

необходимых им капиталов. За счет казначейских средств приобретались по полной номинальной цене целые выпуски облигационных займов ряда заводов (Коломенского, Невского и др.)³¹. Морское министерство стало владельцем значительной части акций Обуховского и Балтийского заводов³², хотя формально они сделались казенными лишь в 90-х годах.

В результате к концу 70-х годов были созданы или развернуты крупнейшие (с 2—3 тысячами рабочих) предприятия транспортного машиностроения, рельсового производства и военной промышленности. Достаточно назвать Коломенский, Сормовский, Невский, Мальцовские (в области вагоно- и паровозостроения), Путиловский, Брянский, Варшавский, Обуховский, Балтийский и другие заводы³³. В связи с сильным сокращением железнодорожного строительства после войны 1877—1878 гг. производственные возможности заводов транспортного машиностроения и даже рельсовых значительно превысили потребность железных дорог. Чтобы сохранить заводы, правительство стало на путь их искусственной поддержки³⁴. Паровозостроительным заводам сперва были выданы миллионные ссуды Государственным банком под залог паровозов, изготовленных впрок, без заказов. Затем правительство приобрело эти не нашедшие сбыта паровозы. Потом под сооруженные вновь паровозы Государственный банк открыл кредиты, и опять эти локомотивы были приобретены в казенный запас³⁵. В течение 1879—1883 гг. правительство все еще надеялось на возможность усиления железнодорожного строительства, и казенные запасы достигли четырехлетней потребности железных дорог в паровозах. После этого было решено передавать из казенного запаса на железные дороги ежегодно не более 50 паровозов (10,4% запаса), остальные же нужные для частных дорог 70 паровозов заказывать двум заводам. Одновременно путем принудительных мер правительство добилося полной консервации третьего, наиболее мощного, Невского завода³⁶.

Поддержка деятельности рельсовых заводов была осложнена тем, что Государственный банк в 1876 г. приобрел Путиловский завод. Этим актом хотели спасти от банкротства самого Путилова и связанных с ним дельцов, сохранить самый завод, а главное, предотвратить банкротство крупных банков, предоставивших значительные средства Путилову³⁷. И после того, как стал сокращаться спрос на рельсы, Путиловский завод продолжал изготавливать их полным ходом, а банк все увеличивал ссуды под не имевшую сбыта продукцию. В конечном итоге вложения Государственного банка в завод с 1876 по 1883 г. достигли 16 млн. руб., в том числе под не имевшие сбыта рельсы — 11 млн. рублей³⁸. В 1882 г. правительство стало прямым (негласным) участником первого в России синдиката — рельсовых заводов, так как в него вошел Путиловский за-

³¹ ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., 1876, VI, д. 3645, лл. 33—43 (по Невскому заводу), и др.

³² Там же, ф. 583, оп. 4, 287, лл. 444—446; д. 296, лл. 8—11, ф. 1263, алф., 1894, XII, д. 5070, лл. 29—30; 1883, журн. 25 января, 20 октября, 26 декабря.

³³ А. Антипов (указ. соч., стр. 49) насчитывал в 1879 г. всего 5 паровозостроительных, 12 вагонных, 8 рельсовых, а также 47 «производящих разные железнодорожные принадлежности» заводов.

³⁴ Из указанных выше 35 млн. долгосрочных ссуд более 19 млн. руб. в 80-х годах были выданы четырем заводам — Коломенскому, Невскому, Мальцовским и Путиловскому.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 513, лл. 9—10; ф. 1263, алф., 1882, X, д. 4255, лл. 345—349; 1880, XII, д. 4119, лл. 205—213; 1883, X, д. 4328, лл. 92—102; ф. 583, оп. 4, д. 289, лл. 211—212, 244—247, д. 290, лл. 44—46; см. также ф. Государственного совета в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ГС-20 (записка министра финансов Бунге от 12 марта 1882 года).

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., 1884, VI, д. 4387, лл. 492—509; ф. 560 (общей канцелярии Министерства финансов), оп. 35, д. 575, и ряд других документов.

³⁷ Там же, ф. 583, оп. 4, д. 287, лл. 49—53.

³⁸ Там же, д. 293, л. 105.

вод³⁹. Чтобы прекратить финансирование последнего, решено было продать его во что бы то ни стало. Естественной была в этих условиях продажа его на очень выгодных для покупателей условиях двум другим участникам синдиката. Все изготовленные рельсы пошли на увеличение казенного запаса. Поддержка же рельсовых заводов, и в частности синдиката, продолжалась путем выдачи им новых заказов при весьма ограниченном «выпуске» рельсов из казенного запаса (13% в год)⁴⁰. Лишь возобновление железнодорожного строительства в самом конце 80-х годов вывело правительство из тупика, в который оно попало, подерживая заводы, продукция которых не находила сбыта.

Меры прямого насаждения имели свою логику: они приводили к выделению небольшой группы особо привилегированных предприятий, а затем к поддержке их (когда они фактически превращались в банкротов или не имели сбыта) всеми способами, вплоть до искусственного ограждения от конкуренции. Однако, несмотря на огромные затраты, в 80-х годах не всегда удавалось спасти предприятия от закрытия или от официального объявления их банкротами. Зато всякий раз объективно достигался другой результат; сохранялось состояние владельцев заводов и даже происходило их обогащение, несмотря на фактическое банкротство. В периоды значительного форсирования воспроизводимых отраслей политика правительства неизменно вела к такому дополнительному обогащению за счет государственных средств.

Другим, еще более важным следствием правительственной политики явилось образование в покровительствуемых отраслях весьма ограниченного числа очень крупных по тому времени заводов: в паровозостроении — всего трех (без казенных), в производстве рельсов — восьми, из которых главную массу казенных заказов выполняли всего три. Учредители новых заводов вообще не могли рассчитывать на успех без правительственной поддержки. Все это создавало для уже существовавших предприятий, по существу, полумонопольное положение. К тому же владельцам их нетрудно было договориться об объединении в монополистические союзы. И не случайно первый русский синдикат, а вслед за ним и другие (рельсовый и скреплений, железнодорожных принадлежностей, мостов и виадуков и т. д.) возникли именно в отраслях, которым покровительствовало правительство⁴¹.

Цикл насаждения и сохранения предприятий тяжелой промышленности повторился в 90-х годах. Сначала во время промышленного подъема на базе широко развернувшегося железнодорожного строительства правительство всячески форсировало развитие металлургических и машиностроительных старых и новых заводов. С наступлением кризиса 1900—1903 годов развернулась «борьба» с ним, в том числе усиленная поддержка металлургических и машиностроительных предприятий средствами Государственного банка, с переходом некоторых заводов в собственность государства⁴².

Правительственная поддержка широко оказывалась крупным дельцам — учредителям разных промышленных предприятий. Это были лица самого различного происхождения: бывшие откупщики Кокорев и Бенардаки, железнодорожные дельцы, вроде Губонина, представители ранее неподвижного городского купечества, выходцы из дворянства, такие, как Башмаков.

³⁹ Там же, ф. 626, оп. 1, д. 687, лл. 2—12.

⁴⁰ Там же, ф. 1263, алф., 1884, III, д. 4380, лл. 255—276, и другие документы.

⁴¹ Документы об этих синдикатах недавно впервые обнаружены В. И. Бовыкин.

⁴² См. некоторые данные в статье: И. Ф. Гиндин. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства. «Исторические записки» № 35, 1950.

В русской буржуазной литературе крупнейший делец Кокорев изображался как наиболее яркая и независимая фигура среди предпринимателей середины XIX века⁴³. Между тем его обширная коммерческая и учредительская деятельность в 40—80-х годах основывалась целиком на огромной правительственной поддержке. Этот делец находил ее не только в правительственном аппарате. Два генерал-губернатора в своих заключениях высказывались в пользу Кокорева, так как «деятельность такого крупного капиталиста имеет государственное значение». Кокорев успешно добивался в 1860—1866 гг. «льгот» по уплате своих долгов по откупам и в результате «заработал» на этом 2,4 млн. рублей. Подобного рода «льготы» предоставлялись также Бенардаки и другим откупщикам⁴⁴. В 1876 г. Волжско-Камский банк Кокорева попал в затруднительное положение. Тогда Государственный банк довел кредитование указанного банка до 20 млн. руб., а затем забрал около 10—12 млн. руб. его замороженных активов⁴⁵. Личная задолженность Кокорева Государственному банку достигла 4—5 млн. рублей. Одновременно Кокорев довел свой долг казначейству по акцизу за соль до 6,5 млн. руб. и начал добиваться новых льгот. Его вымогательство увенчалось успехом, он уплатил казначейству 2,5 млн. руб. наличными, а в погашение оставшихся 4 млн. руб. у него приняли земельные участки в Петербурге и Москве, оцененные казенной палатой всего в 1,2 млн. рублей⁴⁶. Долг Кокорева Государственному банку, тянувшийся с 1876 г., был погашен его наследниками лишь в 1895 году. Мотивировалось такое отношение к этому дельцу его «заслугами» в области развития нефтяной промышленности, как учредителя (в 1859 г.) первого крупного предприятия — Бакинского завода (впоследствии Бакинского нефтяного общества). Освобождение Кокорева от платежей процентов по заложенным в Государственном банке акциям данного общества, по существу, было равносильно субсидии в 1,7 млн. рублей⁴⁷. В общей сложности «деятельность» Кокорева обошлась государству, по нашим подсчетам, почти в 8 млн. рублей.

Аналогичный характер, хотя и в меньших масштабах, носила поддержка других дельцов-учредителей. Так, ссуда в 1,5 млн. руб., выданная в 1876 г. Государственным банком Башмакову на три года, была использована последним по другому назначению: на капиталовложения Богословского горного округа, купленного им у правительства за 2 млн. руб. с рассрочкой платежа на 37 лет, — а затем перешла на последующих покупателей округа и была им рассрочена до 1908 года⁴⁸.

Деятельность крупных дельцов не давала в короткие сроки осязательных результатов. Длительная поддержка их основывалась в значительной мере на убежденности высших царских чиновников в предпринимательской «одаренности» и «солидности» этих капиталистов.

Основным проводником правительственной политики являлось Министерство финансов (бывшее одновременно и Министерством промышленности и торговли) и отчасти Министерство путей сообщения. Вместе с тем весь государственный аппарат, не исключая и Министерство внутренних дел, и Военное министерство (и генерал-губернаторов на ме-

⁴³ См., например, К. А. Скальковский. Наши государственные и общественные деятели. СПб. 1891. стр. 164—177.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., начиная с 1860, XI, д. 2846, лл. 161—172, и кончая 1867, X, д. 3281, лл. 147—164.

⁴⁵ Там же, ф. 583, оп. 4, д. 286, лл. 471—479; д. 287, лл. 132—135, 175—176, 248—250; д. 288, лл. 265—269; д. 289, лл. 161—162; д. 290, лл. 36—37; ф. 588, оп. 2, д. 482, лл. 56—57, 72.

⁴⁶ Там же, ф. 1263, алф., 1878, XII, д. 3989, лл. 76—93; д. 3991, лл. 40—78.

⁴⁷ Там же, ф. 588, оп. 2, д. 482, лл. 119—123; д. 483, лл. 1, 50; д. 484, лл. 133, 162, 166, 184—188, 193, 200, 320, 325, 360; ф. 583, оп. 4, д. 293, лл. 205—208, 209—215; д. 297, лл. 119—127.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., 1896, V, д. 5198, лл. 198—199.

стах), Комитет министров, Государственный совет, был единым в проведении политики поддержки железнодорожных дельцов, владельцев крупных заводов «механической» промышленности, крупных дельцов-прюшенин. Александр III весьма сочувственно относился к слезным прошениям Кокорева, Губонина и других предпринимателей о новых льготах или списании задолженности⁴⁹. Имущественное положение подобных дельцов, по мнению Комитета министров, «заслуживало попечительного отношения правительства».

Даже вексельное кредитование Государственным банком торгово-промышленного оборота носило черты особой поддержки некоторых групп капиталистов: крупной московской буржуазии, киевских сахарозаводчиков⁵⁰, отдельных крупных предпринимателей в других отраслях и районах страны. Столь значительного преобладания крупных капиталистов в вексельном кредитовании в период домонополистического капитализма, какое наблюдалось в России, не было в практике других стран и даже в практике самого Государственного банка России с середины 90-х годов. К 1893 г. из 9 тыс. капиталистов, пользовавшихся вексельным кредитом в банке, на 130 капиталистов с кредитом свыше полумиллиона рублей падало более 40% общей суммы кредитов, на 560 капиталистов с кредитом от 100 до 500 тыс. рублей — 20%, а на 6 тыс. капиталистов — всего 8% общей суммы вексельных кредитов⁵¹. К этому надо добавить, что Государственный банк собирал в своих 90 филиалах на вклады и текущие счета столько же денежных капиталов, сколько все акционерные банки страны, вместе взятые, и большую долю местных средств перекачивал в Петербург, в том числе почти все средства из филиалов Сибири, Северного Кавказа и Закавказья. Таким образом, решительно по всем направлениям ярко выступает лицо Государственного банка, как банка для особо привилегированных и покровительствуемых в меньшей степени, но тоже последовательно, крупнейших и крупных капиталистов. Не только долгосрочными ссудами, но и всей политикой в области вкладных и вексельных операций — а за его политикой следовали и акционерные банки — Государственный банк способствовал раннему и высокому уровню концентрации промышленности в России, усилению в торговле крупной буржуазии за счет средней и т. д.

Еще в начальной стадии развития капиталистической кредитной системы Министерство финансов и Государственный банк активно способствовали учредительству и укреплению банков путем кредитования и личного участия крупных чиновников в их учреждении и управлении. Первый русский коммерческий банк, основанный в 1863 г., — Петербургское общество взаимного кредита — возглавлялся по совместительству управляющим Государственным банком Ламанским и фактически превратился в подсобный орган Государственного банка. Почти все по тому времени значительные ресурсы общества направлялись на операции по учредительству первых железнодорожных компаний и акционерных банков, а затем на финансирование разных предприятий⁵². Делалось это как раз в те годы (1863—1872), когда Министерство финансов и Государственный банк еще не стали на путь широкого использования средств самого банка для долгосрочных ссуд. Министерство и банк стимулировали тогда

⁴⁹ Там же, ф. 583, оп. 4, д. 293, лл. 291—292; ф. 587, оп. 54, д. 6, л. 10 (в отношении Милюткина), и другие документы.

⁵⁰ О поддержке московского текстильного капитала см. подробнее: «История Москвы». Т. IV. М. 1954, стр. 216—218; «Исторические записки» Т. 58, стр. 64—78. Сахарозаводчики, помимо широкого кредитования под авансовые векселя, получали в 70-х годах долгосрочные ссуды, в их интересах была введена сахарная нормировка.

⁵¹ Из внутренней объяснительной записки Государственного банка к отчету за 1895 год. СПб. 1896, стр. 11.

⁵² Е. И. Л а м а н с к и й. Из воспоминаний, «Русская старина», 1915, кн. X, гл. 15, стр. 66—68; кн. XI, стр. 210; Х. Х. К р ю г е р. Итоги 30-летней деятельности СПб общества взаимного кредита, СПб. 1894; см. также годовые отчеты общества.

и акционерные банки развивать операции с ценными бумагами ради скорейшего образования для них рынка в виде фондовой биржи.

В 60-х годах Министерство финансов стояло за сравнительно (со всей последующей историей банков в России) широкое учредительство банков и считало желательным развитие конкуренции между ними. Под давлением Государственного совета Министерство финансов все же согласилось на издание в 1872 г. закона, которым запрещалось учреждение новых акционерных коммерческих банков во всех городах страны, где уже существовал хотя бы один акционерный банк. Это решение мотивировалось «нездоровой» конкуренцией банков, ведущей к повышению процентов по вкладам, к развитию операций с ценными бумагами и к биржевой спекуляции, что «должно» было повлечь за собой кризис⁵³. К моменту издания закона в Петербурге действовало 4 акционерных коммерческих банка, в Москве — 5, но из основных провинциальных городов только в Киеве, Риге и Варшаве было по 2 банка, Нижний же Новгород, Харьков, Ростов и Одесса имели всего по одному акционерному банку.

После кризиса 1873 г. само Министерство финансов нашло издание закона о прекращении учредительства акционерных банков «благодетельным». С обострением же кризиса в 1875—1876 гг. акционерным банкам и обществам взаимного кредита была оказана огромная помощь. Министерство финансов спасало всеми имевшимися у него средствами явно банкротившиеся учреждения. Центральным эпизодом явилось описанное выше спасение Волжско-Камского банка, аналогичными методами предотвращалось банкротство Петербургского общества и других банков⁵⁴.

Запрещение учредительства новых и искусственное ограничение конкуренции создавали полумонопольное положение для уже существовавших банков. Правда, законом 1883 г. запрещение учреждения новых акционерных коммерческих банков было формально отменено. Явно запретительная политика сменилась строго ограничительной, поэтому общее число акционерных банков в России колебалось в пределах 33—45 вместо сотен, которые существовали в основных капиталистических странах. Широкое кредитование акционерных банков и обществ взаимного кредита Государственным банком производилось не только в моменты, когда эти учреждения испытывали затруднения (именно такова была практика центральных банков всех капиталистических стран), а носило более или менее постоянный характер и способствовало расширению их активных операций. При этом среди акционерных банков, а отчасти и среди обществ взаимного кредита выделялись банки-фавориты, которые пользовались усиленной и постоянной поддержкой.

Характерным и своеобразным выражением политики правительства в отношении банков являлась возникшая еще в 60-х годах, расширенная и обобщенная законом 1872 г. и дополненная в 1883 г. система банковского законодательства. Целью законодательства являлось регулирование деятельности банков, создание основы для широкого надзора за нею со стороны Министерства финансов и для вмешательства последнего в практику этих учреждений. Такого законодательства не было в других капиталистических странах вплоть до наступления общего кризиса капитализма⁵⁵. Таким образом, Россия в этом смысле «опередила» на 50—60 лет капиталистический мир и как бы предвосхитила государственно-монополистический капитализм своими порядками: формально-

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 1152, департамента государственной экономии Государственного совета, оп. VII т., 1869, д. 145, лл. 67—75; оп. IX т., 1872, д. 145, лл. 115—124.

⁵⁴ Там же, ф. 583, оп. 4, д. 288, лл. 258—261, и другие документы.

⁵⁵ См. «Wörterbuch der Volkswirtschaft». В. I. Jena. 1911. S. 346—342; J. Z a h n. Die Bankaufsichtsgesetze der Welt. Herausg. Deutsches Institut für Bankwissenschaft und Bankwesen. 1937. Такие законы введены в большинстве стран только в 30-х годах XX века.

разрешительным, а по существу, запретительно-ограничительным порядком учреждения новых банков, регулированием их операций, введением обязательной публикации детальных банковских отчетов, мелочным надзором за деятельностью банков и правительственными ревизиями, наконец,—и это главное—практикой спасания пошатнувшихся банков. На Западе банковское законодательство и усиленное вмешательство государства в деятельность банков были вызваны расшатыванием всей системы капитализма. В России исторически раннее банковское законодательство и вся политика в отношении банков ставили целью форсирование учреждения и укрепление поздно возникших и с трудом развивавшихся капиталистических банков.

Банки и их заправилы заняли среди всех покровительствуемых капиталистических предприятий и групп особое положение еще и потому, что банкам приписывалась ключевая роль в возникновении экономических кризисов. На этих путаных теоретических позициях Министерство финансов стояло с 70-х вплоть до 1914 года⁵⁶. Неотъемлемой частью «борьбы с кризисами» стало воздействие на биржу — сначала на валютный курс и на курс государственных бумаг, а с 900-х годов — для противодействия «необоснованному» снижению курса не только этих бумаг, но и акций крупных банков и предприятий тяжелой промышленности. В конечном счете правительственное вмешательство с «пожертвованием» государственных средств было призвано локализовать «хозяйственные потрясения» в самом широком смысле, что больше всего шло на пользу крупному капиталу и почти всегда крупным банкам.

Главным итогом всей правительственной политики в отношении коммерческих банков являлась исторически чрезвычайно ранняя централизация капиталов в немногих банках. Объективной ее основой была слабость учредительства банков в начальный период создания кредитной системы. Эта тенденция во много раз усиливалась политикой правительства и в особенности запрещением, а затем резким ограничением учреждения новых банков. В конечном счете условия монополизации кредита с наступлением периода империализма оказались в России существенно отличными от других капиталистических стран. Здесь стихийный процесс монополизации кредита в начале XX в. протекал на базе существования всего лишь 43 акционерных коммерческих банков, среди которых 5 крупных уже охватывали 41% совокупных пассивов всех банков, а еще с 7 банками — 69%⁵⁷. Правительственное вмешательство в дела банков сопровождалось широким и непосредственным участием крупных чиновников в делах акционерных банков, начиная с их учреждения в 60—70-х годах. Это создавало предпосылки для быстрого и широкого сращивания банковских монополий с правительственным аппаратом.

Активную роль сыграла правительственная политика в привлечении иностранных капиталов. Правительственные гарантии доходов по железнодорожным займам и выпуск их в твердой валюте стали основной формой импорта капиталов до 90-х годов. Роль иностранных капиталов в широком смысле, включая временное участие и кредитование, в промышленности, торговле, банках до 90-х годов остается неизученной. По свидетельству отдельных правительственных документов, эти капиталы имели существенное значение уже в 70-х годах⁵⁸. С проведением денежной реформы правительство в 90-х годах стало на путь активного содействия вложениям иностранных капиталов в самые различные отрасли, в первую очередь в тяжелую промышленность. Оно поощряло импорт капиталов в таких формах, которые делали иностранных владельцев

⁵⁶ «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 140, 156—157; «Государственный банк. Краткий очерк деятельности 1860—1910», СПб. 1910, стр. 52.

⁵⁷ И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М. 1948, стр. 57, 61, 95.

⁵⁸ «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 164—165.

хозяевами многих крупных предприятий в России; на последние распространялись такие виды государственной поддержки, как казенные заказы в металлургии и машиностроении.

Вынужденное своей экономической политикой содействовать развитию капитализма, царское правительство, несомненно, оказало определенное влияние на ускорение этого процесса. В наибольшей степени этому способствовали форсирование железнодорожного строительства и поддержка банков в начальный период формирования кредитной системы. Для ускорения развития промышленности в целом высокая таможенная охрана имела несравненно большее значение, чем методы государственного вмешательства. Решающая роль последних сказалась лишь в форсировании развития некоторых отраслей тяжелой промышленности.

В то же время экономическая политика и ее объективные результаты были глубоко противоречивыми. Сохранение полукрепостнических отношений в деревне и дополнительные формы эксплуатации крестьян государством противоречили интересам капиталистического развития России. Суживая внутренний рынок, они замедляли темпы экономического роста страны. Задерживая процессы накопления капиталов и направляя значительную часть их на непроизводительные нужды государства и паразитическое потребление помещиков, экономическая политика правительства усиливала и без того большое несоответствие между потребностью промышленности и других отраслей хозяйства в новых капиталах и наличием их в стране. Именно поэтому типичные для периода монополистического капитализма средства экономической политики: таможенная охрана промышленности, развитие путей сообщения и средств связи, торгово-промышленное законодательство и т. п., — направленные на создание общих условий для свободного развития капиталистических отношений, тесно переплетались с мерами особого поощрения крупного капитала, отдельных отраслей или предприятий. Обратной стороной подобных мер форсирования развития некоторых отраслей методами государственного вмешательства являлось сохранение привилегированных отраслей теми же способами во время экономических кризисов и хозяйственного застоя, спасание пошатнувшихся крупных предприятий и банков. Все это вылилось в своеобразную систему «борьбы с кризисами» мерами государственного вмешательства, нигде, кроме России, не проводившейся вплоть до наступления общего кризиса капитализма. Эта политика «борьбы с кризисами», а также всякого рода «хозяйственными потрясениями» препятствовала свойственной капиталистическому хозяйству стихийной чистке и объективно могла влиять лишь на затягивание кризиса и последующей депрессии.

Свойственный особенно рассматриваемому периоду подход к экономической политике с точки зрения государственных финансов делал непоследовательными и общие меры создания условий для развития капиталистических отношений. Таковы чисто фискальное таможенное обложение многих видов сырья, длительная задержка в 80-х годах железнодорожного строительства, годами проводившаяся в государственном бюджете «экономия» на так называемых производительных расходах. Выделяя, за вычетом железнодорожных расходов, подавляющую часть бюджета на содержание военно-полицейского аппарата, правительство отпуская ничтожные суммы на развитие водно-шоссейных путей сообщения, средств связи, на специальное и техническое образование.

Даже широкое использование особых методов экономической политики для развития капиталистических отношений проводилось непоследовательно и далеко не давало тех результатов, которых непосредственно добивалось царское правительство. Считая железнодорожное строитель-

ство главным звеном ускорения экономического развития страны, правительство порою из чисто финансовых соображений сокращало строительство железных дорог. Насаждая и укрепляя коммерческие банки как другое решающее условие развития промышленности и торговли, правительство фактически способствовало такому направлению их деятельности, которое далеко не обеспечивало потребности торгово-промышленного оборота в кредите. Насаждение крупных предприятий «механической» промышленности дало им одностороннее развитие, рассчитанное в основном на спрос со стороны железных дорог и непосредственно казны. Эти предприятия при сокращении казенного спроса с трудом перестраивались на изготовление других видов продукции. В результате само правительство вынуждено было в 80-х годах заставлять особо привилегированные заводы сокращать производство и даже принимать, например, принудительные меры к закрытию Невского завода. Поддержка дельцов — учредителей разных промышленных предприятий, несмотря на огромные «пожертвования» средств казначейства и Государственного банка, не привела к сколько-нибудь прочному развитию основанных этими дельцами предприятий.

Действительным результатом экономической политики правительства, независимо от конкретных ее целей, являлось прежде всего дополнительное обогащение крупного капитала или, по крайней мере, когда проводилось спасание крупных предприятий и банков от краха, — сохранение личных состояний их владельцев. При высокой норме эксплуатации в России уровень промышленной и торговой прибыли был и без того огромный. В. И. Ленин указывал, что царизм с его политическим угнетением и бесправием рабочего класса и крестьянства обеспечивает русской буржуазии уровень прибыли, в 2—3 раза превышающий европейский, обеспечивает ей «обломовски-доходные» формы эксплуатации⁵⁹.

Всеми своими мерами особого поощрения экономическая политика создавала еще большую заинтересованность крупного капитала, а тем более его отдельных групп, в существовании самодержавия, то есть укрепляла союз крепостников-помещиков с крупным капиталом. Система особого поощрения создавала типичную для России «ходатайствующую промышленность». Таким образом, правительство укрепляло сильные еще в буржуазии черты хищника первоначального накопления. В 1907 г. В. И. Ленин охарактеризовал наиболее влиятельную часть русского крупного капитала — октябристскую буржуазию, именно как «хищника эпохи первоначального накопления»⁶⁰. Объективно политика дополнительного искусственного обогащения крупного капитала ослабляла его активность, особенно стимулы к проникновению в новые отрасли, и способность к конкуренции на внешних рынках. Отсюда ожидание правительственной помощи и даже инициативы в таких «новых» для русской буржуазии делах, как освоение металлургических и нефтяных районов Юга и Закавказья, как строительство элеваторов, организация морского транспорта или, позднее, учредительство банков за границей.

В особых методах экономической политики, где одним из главных способов являлось непосредственное государственное финансирование капиталистов и помещиков, крупный капитал занимал явно преобладающее место. Размеры финансирования транспортного машиностроения и новой металлургии во много раз превысили затраты казначейства и Государственного банка на поддержку старой уральской металлургии. Не знающая границ поддержка дельцов-учредителей типа Кокорева во много раз превзошла восполнение титулованным сахарозаводчиком, этим наиболее капиталистически модернизированным помещиком. В целом все было направлено на то, чтобы сделать Государственный банк банком для круп-

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Соч., Т. 18, стр. 268.

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 108.

ных и крупнейших капиталистов и всячески оградить его от поползновений на чрезвычайное финансирование со стороны помещиков. Наконец, железнодорожная политика с ее системой обогащения железнодорожных дельцов превзошла все то, что было сделано для помещиков с прямым «пожертвованием» государственных средств через Дворянский банк (с его списаниями недоимок и искусственно заниженными процентами по ссудам), скрытым субсидированием сельских винокуренных заводов и т. д. — вплоть до «ссуд» и субсидий лицам из дворянских верхов, близким к царскому окружению.

Все это создавало весьма любопытное положение. Экономическая политика правительства, отвечавшая в конечном счете коренным интересам помещиков, вела к противоречиям с их повседневыми экономическими интересами и, во всяком случае, не могла удовлетворять их непомерные аппетиты и претензии на субсидирование из государственных средств. Именно тем, что крупный капитал поддерживался государственными средствами в несравненно больших размерах, чем помещики, и объясняется «критика», а временами и резкое недовольство экономической политикой царского правительства (особенно политикой Витте) со стороны наиболее реакционной части помещиков-крепостников⁶¹.

Важным вторичным следствием всей экономической политики правительства являлось значительное проникновение иностранного капитала в хозяйство страны. Слабость процесса накопления внутренних капиталов усугублялась их непроизводительным использованием государством и помещиками, а это повышало потребность в иностранных капиталах. Недостаточная активность русского крупного капитала вела к тому, что иностранный капитал стал проникать в русскую промышленность в форме не только ссудного, как это было в железнодорожном строительстве, но и промышленного капитала (позднее финансового капитала). Итогом последовательно проводившейся правительством линии на привлечение иностранного капитала явился беспрецедентный рост внешней государственной задолженности с 500 млн. руб. в 1861 г. до 3 млрд. руб. в 1893 году. Таким образом, экономическая политика царского правительства способствовала усилению зависимости России от иностранного капитала.

Вся эта политика и меры особого поощрения усиливали еще в период домонополистического капитализма процессы концентрации производства в промышленности и централизации капитала в крупных банках. При большом недостатке капиталов в стране вмешательство государства в хозяйственную жизнь и искусственное ограничение конкуренции способствовали образованию крупных предприятий и банков, представлявших собою полумонополии. Немногочисленным в своей отрасли особо привилегированным предприятиям нетрудно было организовать в первые монополистические объединения. И не случайно первые синдикаты возникли как раз в тех отраслях (в производстве рельсов и транспортном машиностроении), в которых применялись методы особого поощрения. Более того, эти синдикаты возникли при прямом участии правительства или же при его несомненном содействии. С вступлением России в эпоху империализма в этих отраслях в течение немногих лет образовались мощные монополистические объединения, сумевшие быстро охватить решающую часть отраслевого производства, такие, как Продамет, Продвагон и синдикаты машиностроительных заводов — поставщиков по казенным заказам.

Политика поддержки и опеки акционерных банков, в особенности искусственное ограничение конкуренции, привела еще в домонополистический период к такому преобладанию небольшого числа крупных банков,

⁶¹ См. «Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения». «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 122—155.

какого не было тогда в других капиталистических странах. С наступлением эпохи империализма это способствовало крайне быстрому процессу и высокой степени монополизации кредита даже по сравнению с основными капиталистическими странами.

Меры особого поощрения весьма рано, еще с 60-х годов, приводили к непосредственной материальной заинтересованности высших царских чиновников в «процветании» отдельных предприятий и банков. Всячески оберегая в качестве представителей помещичьего государства интересы крепостников-помещиков, царские сановники и крупные чиновники все сильнее связывались с интересами отдельных банков и предприятий путем прямого участия в их учредительстве, а затем и в управлении. Под давлением поместного дворянства и по прямому указанию Александра III это «совместительство» было в годы реакции 80-х годов запрещено. Однако запрет не достиг цели. Казенные заказы, казначейское и неуставное финансирование, разрешительная система учредительства акционерных обществ и любого изменения их уставов оставались питательной средой для тесных связей крупных чиновников с законами банков и предприятий и, конечно, для взяточничества. Воспособление, контроль и помощь отдельным предприятиям приводили к участию чиновников в правлениях предприятий и банков, каждый раз с особым «высочайшего разрешения». Наконец, возможность для высших чиновников участвовать своими личными «сбережениями» во владении акциями и в биржевых спекуляциях создавала их тесную непосредственную заинтересованность в делах крупной буржуазии.

В сущности, отношения, складывавшиеся в России на почве много-стороннего государственного вмешательства в пользу крупных предприятий и банков еще в период домонополистического капитализма, во многом предвосхищали формы отношений, характерные для государственно-монополистического капитализма. Все это привело к исключительно раннему исторически проявлению государственно-монополистических тенденций в России. Еще на рубеже XX в., в самом начале эпохи империализма, в качестве прямого продолжения политики поддержки металлургии и машиностроения был образован правительственный «Комитет по распределению заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог». Этот Комитет заказов, действовавший в интересах представленных в нем монополий — Продамета, Продвагона и Паровозного объединения, — явился первым организационно оформленным проявлением государственно-монополистического капитализма в России.